

Ошо. Трое друзей

Надобно отметить относительно *жизни* — это то, что она не имеет объяснения. Она существует в своем абсолютном великолепии, но у нее нет объяснения, она необъяснима. Она есть — как таинство, а если вы попытаетесь ее объяснить, вы упустите ее. Ее вы не объясните, но сами вы станете совершенно слепы в результате ваших объяснений.

Философия — это враг жизни. Самая неприятная вещь, какая только может произойти с человеком, — он попадет в переделку, погрязнув в объяснениях. В тот самый момент, как вы решаете, что вы можете что-то объяснить, жизнь покидает вас, вы уже мертвы.

Это звучит как парадокс. Смерть можно объяснить, но жизнь объяснить невозможно; потому что смерть — это нечто законченное, завершенное, а жизнь — это постоянно продолжающаяся история; жизнь всегда в пути, смерть уже прибыла.

Когда что-либо достигнуто и завершено, вы можете это объяснить, вы можете определить это. Но когда что-то все еще продолжается, происходит, процесс не завершен, то это означает, что с неведомым еще только предстоит встретиться на пути.

Вы можете знать прошлое, но вы не можете знать будущего. Вы можете построить теорию прошлого, но как вы можете построить теорию будущего? Будущее — всегда открытие, бескрайнее, бесконечное открытие, и оно продолжает открываться и открываться. И поэтому, когда вы объясняете, то объяснение всегда касается того, что мертво.

У философии полно объяснений на все случаи жизни. Поэтому ни одна философия не может быть достаточно живой, и вряд ли вы сумеете найти кого-нибудь мертвее, чем философы. Жизнь отступила, жизнь покинула их. Они — это одряхлевшие, дряблые от старости головы, как мертвые камни. Они производят много шума, но в нем нет музыки жизни. У них есть множество объяснений, но они совершенно позабыли, что в руках у них остались одни лишь объяснения.

Объяснение — оно как сжатый кулак. Жизнь — как раскрытая ладонь. Они абсолютно различны, и когда кулак плотно сжат, в нем нет неба, в нем нет воздуха, нет пространства для дыхания. Вы не можете зажать небо в кулак. Кулак упустит его. Небо есть там, где рука раскрыта, там оно доступно. Объяснение — это хватание, сжимание кулака, определение — это жизнь, вытекающая сквозь пальцы.

Даже смех больше, чем любая философия, и когда кто-то смеется над жизнью, он понимает ее. И поэтому все те, кто действительно обладал знанием, смеялись. Смех их можно слышать даже спустя века. Видя Будду, держащего цветок в руке, Махакашьяпа рассмеялся. Его смех слышно и сейчас. Те, у кого есть уши, чтобы слышать, слышат этот смех, словно река, непрерывно струящийся вниз сквозь столетия.

В монастырях Дзен в Японии ученики все еще продолжают спрашивать своих мастеров: "Скажи нам, Мастер, почему Махакашьяпа рассмеялся?" Но те из них, кто более чуток, говорят: "Скажи нам, Мастер, почему Махакашьяпа все смеется?" Они используют настоящее, а не прошедшее время, и говорят, что мастер ответит вам, только лишь когда он увидит, что вы можете слышать смех Махакашьяпы. Если вы не в состоянии слышать его, то вам ничего о нем не рассказать — это невозможно.

Будды смеются вечно. Вы не можете слышать их потому, что вы сами лишили себя такой возможности. Если вы видели будду, вы могли заметить, что он серьезен, но серьезность эта спроецирована, привнесена. Это ваша собственная серьезность — вы используете будду, как экран. Поэтому христиане и утверждают, что Иисус никогда не смеялся. Это звучит, как полная нелепица. Конечно, Иисус смеялся и смеялся он так от души, так полностью отдаваясь этому, что все его существо, вся его жизнь, несомненно, обратилась в смех — только вот ученики его не

смогли этого смеха расслышать. Они, само собой разумеется, остались закрыты, глухи, спроецировав на Иисуса свою собственную серьезность.

Увидеть Иисуса на кресте смогли — потому что все вы живете в таком страдании, что можете видеть одни лишь страдания. А вот если Иисус рассмеется, то это пропустят мимо ушей. Это так противоречит жизни, это так не вписывается в нее. Смеющийся Иисус вас не устраивает, он становится странным, чужим.

Но на Востоке все было иначе, и в Дзен, и в Дао смех достиг своей кульминации. Это стало полной противоположностью философии.

Философ серьезен потому, что считает жизнь головоломкой и полагает возможным найти ее решение. Он трудится, корпит над жизнью своим умом, — и становится все более и более серьезным.

Чем больше он упускает жизнь, тем он становится серьезнее и мертвее.

Даосы — Лао Цзы и Чжуан Цзы — говорят, что, если вы можете смеяться, если вы можете ощутить звонкий смех, исходящий из самой сердцевины вашего естества, а не просто изображать вежливую улыбку на своем лице, если вы способны расслышать смех, доносящийся из самых глубин вашего сердца, распространяющийся, расходящийся волнами повсюду вокруг вас, переполняющий, захлестывающий вселенную, — то смех этот даст вам первый проблеск сияния жизни. Жизнь — это таинство.

Такой смех молитвенен, потому что с ним вы принимаете жизнь, не ища ей объяснений. Как можно найти объяснение жизни? Мы — часть ее. Так как же может часть найти объяснение целому? Как может часть изучать целое? Как может часть препарировать, разделять целое? Как может часть идти впереди целого?

Объяснение означает, что вы должны трансцендировать, профанизировать, лишиться таинства то, что пытаетесь объяснить — но тогда вы должны существовать до того, как оно, объясняемое, начало существовать, до того, как оно появилось, и вы должны продолжать существовать после того, как это объясняемое прекратит свое существование. Вы должны свободно передвигаться вокруг и вне его, тогда вы можете его определить, объяснить; и вы должны разобраться в нем, проанализировать его — тогда вы можете проникнуть в самую его суть. Анатом может найти объяснение, — не жизни, но трупу. Все медицинские определения жизни глупы, потому что анатом препарирует, и к тому времени, когда он делает свои выводы и заключения, жизни уже нет, есть только труп, мертвое тело. Все объяснения посмертны, жизни в них уже нет.

Теперь даже ученым стало известно о таком удивительном явлении, что, когда вы исследуете человеческую кровь, она не может быть такой же точно, какой была, когда текла в сосудах живого существа. Тогда она была жива, она обладала иным качеством; теперь, когда она в пробирке, она мертва. Это не та же самая кровь, потому что основного качества — жизни — в ней больше нет. И со всеми объяснениями происходит то же самое.

Цветок, когда он на дереве, — иной из-за того, что жизнь — принимающая форму цветка жизнь — протекает в нем. Когда вы срезаете его с растения, забираете его в лабораторию, исследуете его, этот цветок уже совсем другой. Не обманывайтесь его внешней видимостью. Теперь в нем уже нет жизни. Вы можете узнать химический состав цветка, но это не объяснение, не понимание.

У поэта подход иной, не через препарирование, но через любовь, не через обрывание цветов с деревьев, но, скорее, через слияние с цветком, пребывание с ним в глубокой любви, в мистории участия. Он участвует в ней, и тогда он познает нечто новое; но только это не объяснение. Поэзия не может быть объяснением, но в ней есть проблеск, отголосок истины. Она истиннее любой науки.

Понаблюдайте: когда вы влюблены в кого-то, сердце ваше бьется иначе. Ваш любимый, ваша любимая будут прислушиваться к вашему сердцу: оно бьется по-другому. Ваш любимый касается вашей руки... тепло другое. Кровь движется в ином танце, она пульсирует не так, как обычно.

Но когда вашу руку берет в свою врач, пульс совсем не такой. Он может слышать удары вашего сердца, но это другое биение. Когда сердце бьется для любимого, оно имеет свою собственную песнь, но лишь любимый может услышать ее, лишь любимый может знать это биение, эту кровь, это тепло жизни. Врач этого знать не может.

Что же изменилось? Врач становится исследователем, а вы — исследуемым, — вы не едины, не одно. Врач относится к вам, как к объекту. Он смотрит на вас так, как если бы он смотрел на вещь — это и порождает различие. Любимый не смотрит на вас, как на объект — он становится с вами одним, он сливается и тает. Он стремится познать глубочайшую суть вашего естества, но нет у него объяснений. Он чувствует это, но чувство — это совсем иное, это не объяснение. Он не может об этом — думать.

Все, что поддается осмыслению, не живо. Мысль имеет дело со смертью, она всегда имеет дело с мертвыми предметами; вот почему в науке нет места чувству. Чувство придает существованию другую размерность, придает дополнительное измерение — измерение живого.

Эта красивая история может о многом вам рассказать.

Продвигайтесь по ней шаг за шагом, и, если вы придете к заключениям, к выводам, то, поймите, вы упустили ее суть. Если же вы начнете смеяться, вы ее поняли.

Раз трое друзей обсуждали жизнь.

Чжуан Цзы краток. Как всегда, те, кто знает, немногословны, они не проронят ни единого лишнего слова. В их жизни остается только самое существенное.

Раз трое друзей обсуждали жизнь.

Первое, что надо заметить, — только друзья могут обсуждать жизнь. Когда бы обсуждение ни переходило в спор, когда бы обсуждение ни превращалось в дебаты, диалог разрушен. Жизнь так обсуждать невозможно. Только друзья могут обсуждать, потому что их обсуждение не становится дебатами, оно остается диалогом.

В чем же различие между дебатами и диалогом? В дебатах вы не готовы, не хотите выслушать другого; даже если вы вроде бы и слушаете, вы лишь притворяетесь. Вы не слушаете по-настоящему, вы просто подготавливаете свои аргументы. Когда ваш оппонент говорит, вы готовитесь противоречить. Пока говорит другой, пока он что-то произносит, вы лишь ждете удобного случая возразить. В вас уже живет предубеждение против его слов, у вас всегда есть свои соображения, своя теория. Вы не пытаетесь искать нового, вы ничего не воспринимаете, вы не простодушны, не невинны; вы уже полны, ваша лодка не пуста. Вы тащите с собой определенные теории, и вы пытаетесь доказать их истинность.

Искатель истины не таскает с собой теорий. Он всегда открыт, уязвим, всегда восприимчив. Он может слушать. Индуист слушать не может, мусульманин слушать не может. Как может индуист что-то услышать? Он уже знает истину, слушать нет нужды. Вы пытаетесь его заставить

слушать, но он не в силах это делать; ум его уже настолько полон, что ничто не в состоянии проникнуть в него.

Христианин — ничего не слышит, он уже знает истину. Он закрыл свои двери для новых ветров, он закрыл свои глаза для нового солнечного восхода, новой зари пробуждения, он всего достиг, он добрался до места.

И все те, кто считает, что они достигли цели, отлично могут дебатировать, но вступить в диалог они не способны. Они могут лишь сталкиваться и размахивать руками. И тогда их дебаты перерастают в конфликт и они во всем противопоставляют себя другому. В подобной дискуссии вы можете доказывать что угодно, хотя ничего и не сможете доказать. В ваших силах заглушить, заставить замолчать другого, но так вы его никогда не обратите на путь истины. Вы не можете ничего довести до сознания оппонента, ни в чем его убедить, потому что это ни что иное, как своего рода война, этакая цивилизованная война — вы не палите во все стороны из оружия, вы стреляете словами.

Не зря Чжуан Цзы говорит: "Трое друзей обсуждали жизнь", — вот почему они могли в конце концов расхохотаться; иначе бы они пришли к заключению. Одна теория могла бы нанести поражение другим теориям, одна философия могла бы заставить замолчать другие философии, тогда было бы сделано заключение, сделаны выводы — а заключение мертво.

У жизни нет выводов, она не имеет заключения. Жизнь не заботится о таких глупостях. Она все продолжается и продолжается без конца; она есть всегда, вечная, устремленная вперед история. Как вы можете что-либо о ней заключить? В тот момент, когда вы пришли к выводам, вы вышли, выпали из нее. Жизнь продолжает идти дальше, а вы сошли, свернули с пути. Вы можете оставаться верным своим выводам, но жизнь не станет вас дожидаться.

Друзья способны обсуждать, беседовать. Почему? Можно любить кого-то, но невозможно любить философскую теорию. Философы не бывают друзьями. Вы можете быть либо их учеником, либо их врагом, но вы не можете быть их другом. Одно из двух: либо они вас убедили, либо нет, либо вы им следуете, либо не следуете, но вы не можете быть их друзьями. Дружба возможна только между двумя пустыми лодками. Тогда вы открыты другому, приглашаете другого, тогда вы — постоянное приглашение: приходи ко мне, войди в меня, будь со мной.

Вы можете отбросить все теории и философии, но вы не можете отринуть дружбу. И когда вы дружите, диалог становится возможен.

В диалоге вы слушаете, а если говорите, то не для того, чтобы противоречить другому, вы говорите просто для того, чтобы искать, чтобы узнать, поинтересоваться. И говорите вы не с уже готовым заключением, но с заинтересованностью, с постоянным живым любопытством. Вы не пытаетесь ничего доказывать: вы говорите из невинности, из желания познания, а не из философских соображений. Философия никогда не невинна, она всегда хитра, это некий прием ума.

Трое друзей обсуждали жизнь — потому что между друзьями диалог возможен. И поэтому на Востоке существует традиция: пока вы не найдете дружбу, не испытаете любовь, почтение, доверие — никакое познание невозможно. Если вы отправляетесь к мастеру, а лодка ваша полна идей, то никакого контакта быть не может, диалога не получится. Сперва вы должны опустошить ее настолько, чтобы стала возможна дружба, настолько, чтобы вы могли смотреть безо всяких идей, проносящихся и мельгешащих у вас перед вашим взором и застилающих ваши глаза, настолько, чтобы вы могли смотреть, не делая выводов, не приходя к заключениям. И когда вы сможете видеть так, перспектива вашего взгляда станет огромна, она станет неограниченна.

Истина либо есть, либо ее нет. Ничто не может быть "приблизительно истинно". Или

истина есть, или истины нет. Это всегда тотально, полностью. Вы не можете ее делить, она неделима. Вы не можете сказать, что это "истинно в какой-то степени". Нет, истина не знает степени. Она либо есть, либо ее нет.

А весь мир полон заключений, выводов. Кто-то христианин, кто-то индуист, кто-то джайн, кто-то буддист — так и теряется истина!

Истинно религиозный человек не может быть христианином, индуистом, буддистом, религиозный человек может быть только искренне интересующимся. Он интересуется, и он остается открытым, не делая никаких выводов. Его лодка пуста.

Трое друзей, обсуждающих жизнь... Только друзья могут обсуждать, потому что между ними существует диалог, их взаимоотношения строятся на "я и ты". Когда вы дебатируете, отношения "я и оно".

Другой — это вещь, которую надо обратить, убедить, другой — это не «ты»; другой не имеет значения, другой — это просто число.

В дружбе другой важен, другой обладает присущей ему ценностью, другой ценен сам по себе, является самоцелью, вы не пытаетесь его обратить. Как вы можете обратить человека? Что за глупость!

Сама попытка обратить человека глупа. Человек — это не вещь.

Человек столь велик и огромен, что никакая теория не может быть важнее человека. Никакая Библия не является более важной, чем человек, никакая Гита не может быть важнее человека. Человек являет собой само великолепие жизни. Вы можете человека любить, но вы не можете его обратить. Если вы пытаетесь обращать, то вы пытаетесь манипулировать, управлять. Тогда человек становится средством, а вы эксплуатируете его, пользуетесь им.

Диалог возможен, когда ваше «я» говорит с «ты», когда другой любим, когда за этим всем не стоит идеологии. Другой просто любим, и христианин он или индуист — значения не имеет. Это и есть дружба — и друзья могут обсуждать жизнь, потому что возможен диалог.

Один сказал: "Могут ли люди жить вместе, не зная ничего об этом, трудиться вместе, но ничего не производить?"

Могут ли они витать в облаках и позабыть навеки, что это такое — жизнь?"

Он не предлагает теории, он лишь затрагивает вопрос. И запомните, вы можете поднимать вопрос двумя способами. Иногда вы поднимаете вопрос только потому, что вам необходимо снабдить им ответ, а ответ этот у вас уже есть — вы задаете вопрос, просто чтобы ответить на него. Тогда этот вопрос не настоящий, он фальшив. Ответ на него уже давно готов. Этот вопрос — всего лишь трюк, он риторический; он не реален, не подлинен.

Вопрос подлинен тогда, когда у вас нет ответа, когда вы спрашиваете, — но не для того, чтобы подвергнуть ответ сомнениям и привести свои аргументы, как вы часто задаете вопрос только лишь из желания подобающе выглядеть, — подлинный вопрос оставляет вас пустым, просто открытым, приглашающим, заинтересованным.

Один сказал: "Могут ли люди жить вместе, не зная ничего об этом?.."

Мы, живя вместе, никогда не знаем, что же это за состояние такое — «вместе». Вы можете годы прожить вместе и так и не узнать, что значит "быть вместе".

Повсюду в мире — люди всегда живут вместе, никто не живет в одиночку: мужья живут с женами, жены с мужьями, дети с родителями, родители с друзьями; все живут вместе. Все время проходит в совместной жизни, в контактах, в бытии вместе, но знаете ли вы что такое — "быть вместе"?

Прожив рядом с женой лет сорок, вы, возможно, не жили вместе с ней ни единого мгновения. Даже в то время, когда вы занимаетесь с ней любовью, вы можете думать о совершенно посторонних вещах.

Тогда вас нет рядом с ней, тогда это занятие любовью — просто механическое действие.

Рассказывают, что однажды Мулла Насреддин пошел в кино с женой.

Они были женаты уже, по меньшей мере, лет двадцать. А шел как раз один из этих знаменитых иностранных фильмов! И вот, когда они выходили из кинотеатра, жена спросила его: "Насреддин, ты никогда не любил меня так, как любят эти актеры в кино. Почему?"

"Ты что, с ума сошла? Знаешь, сколько им за это платят?" — воскликнул Насреддин.

Люди продолжают жить друг с другом безо всякой любви, потому что вы любите только тогда, когда это того ст'оит. Да и как можете вы по-настоящему любить, если вы любите лишь при условии, что получаете что-то взамен? Любовь при этом тоже становится объектом торговли; тогда она — уже не взаимоотношения, не совместная жизнь душа в душу, она перестает быть праздником. Вы не испытываете счастья, будучи с другим, в лучшем случае — вы просто терпите другого.

Жена Муллы Насреддина была при смерти, и врач сказал ему: "Насреддин, мне придется быть с тобой откровенным; в такие моменты лучше говорить правду. Твою жену спасти не удастся. Болезнь зашла слишком далеко; я делаю все возможное, но ты должен быть готов ко всему. Не терзай себя, прими это, это судьба. Твоей жене остается жить не больше суток".

"Да ладно. Если я смог выдержать с ней столько лет, так я могу потерпеть еще несколько часов!" — ответил ему Насреддин.

Самое большое — мы терпим. А когда вы мыслите в понятиях терпимости, — вы страдаете, ваша совместная жизнь — это сплошное страдание. Вот почему Жан Поль Сартр заявляет: "Другой — это ад..." Да вы с другим просто страдаете, он ставит вас в зависимость от себя, он подавляет вас. Он является причиной забот, проблем, неприятностей, и вы теряете свою свободу, вы утрачиваете ваше счастье. И тогда все это становится заведенным порядком, привычкой, просто терпимостью. Когда вы другого терпите, как же вы можете познать красоту, прелесть совместной жизни? И в самом деле, ведь ее у вас никогда и не было.

Браки почти всегда бывают неудачны, потому что супружество подразумевает торжество совместной жизни, жизни душа в душу. Это не свидетельство о заключении брака. Никакой ЗАГС не может выдать вам эту самую семейную жизнь; никакой священник не может преподнести это вам этот дар. Это огромная революция в жизни, это великая трансформация в самом образе вашей жизни, и это может произойти только когда вы достигаете торжества, праздника совместного существования, торжества жизни вместе, когда вы больше не ощущаете супруга, как другое лицо, когда вы больше не рассматриваете себя, как «я». Когда двое на самом деле — уже не двое, они соединились, они стали в определенном смысле едины.

Физически они остаются двумя, но в том, что касается глубочайшей сути, они — едины. Они могут быть двумя полюсами одного существования, но они — не двое. Они взаимосвязаны. И эта связь дает вам проблеск понимания, что же такое: жизнь вместе.

Это редкая удача — повстречать своего супруга, своего суженого.

Люди живут вместе просто из-за того, что не могут вынести одиночества. Запомните это: люди не могут жить одни — и поэтому они живут вместе. Жить одному неудобно, жить одному неэкономично, жить одному трудно, вот почему люди живут вместе.

Иными словами: причины, побуждающие к супружеской жизни, носят негативный характер.

Один мужчина готовился к свадьбе. "Ты ведь всегда был против женитьбы, что это ты вдруг передумал?" — задал ему вопрос кто-то.

"Уже зима на носу, и, говорят, она будет очень холодной. На центральное отопление мне не наскрести, а жена обойдется дешевле!" — объяснил он.

Вот такова логика супружества. Вы живете с кем-то по причине того, что это удобно, устраивает вас, экономично, так дешевле.

Жить одному и в самом деле трудно, а у жены столько положительных сторон: домохозяйка, кухарка, прислуга, нянька — такое множество полезных качеств. Она — самый дешевый в мире работник, делающий много полезного вообще без всякой оплаты. Это эксплуатация.

Брак существует, как институт эксплуатации, это не совместное существование, не жизнь вместе. И поэтому от него никому не будет никакого счастья. Не может быть. От него ничто не расцветет. Разве могут посреди поля эксплуатации распуститься цветы экстаза?

Ваши так называемые святые продолжают вам твердить, что несчастны вы из-за того, что живете в семье, из-за того, что обитаете в миру. "Брось все, отрекись!" — настаивают они. И доводы их выглядят вполне разумно, но не потому, что они верны, а потому, что вы лишены жизни вместе, лишены совместного существования. В противном же случае вы увидите, что все те святые абсолютно неправы. Познавший совместную жизнь познал божественное; тому, кто действительно соединен, действительно женат, ведомо божественное, ибо любовь — это величайшие врата.

Но совместного существования, единения у вас нет, и вы живете рядом без понимания того, что такое "быть вместе"; так вы и живете семьдесят, восемьдесят лет, не осознавая того, что же такое жизнь. Вы плывете по течению, предоставив все решать судьбе, не имея никаких корней в жизни. Вы просто влачите существование изо дня в день, не пытаясь вкусить того, что жизнь предлагает вам. А знание жизни не дается при рождении. Это не переходит по наследству — знать жизнь.

Жизнь появляется, даруется при рождении, но мудрость, опыт, экстаз — этому надо научиться. И в этом смысл медитации. Вам нужно их наработать, вам нужно расти в их сторону, вам необходимо достичь определенной зрелости; только тогда вы сможете познать их.

Жизнь может открыться вам лишь по достижении определенной зрелости. Но люди живут и умирают инфантильными. Они никогда по-настоящему не вырастают, они никогда не становятся зрелыми.

Что такое зрелость? Достижение половой зрелости вовсе не означает еще, что вы стали зрелы. Спросите психологов: они подтвердят, что ментальный возраст среднего взрослого человека остается где-то около тринадцати или четырнадцати лет. Ваше физическое тело продолжает расти, но ваш ум застывает в тринадцатилетнем возрасте. Не удивительно, что вы

себя так глупо ведете, что ваша жизнь становится сплошным идиотизмом!

Инфантильный ум не может не ошибаться каждую секунду.

А незрелый ум всегда старается свалить ответственность на других. Вы чувствуете себя несчастным и уверены, что в этом виноват кто-то, создающий для вас ад. "Другой — это ад". Я заявляю: это утверждение Сартра весьма инфантильно. Если вы зрелы, то другой может стать раем. Другой — это точно то же, что и вы сами, ибо другой — он как зеркало, как ваше отражение, вы отражаетесь в нем.

Когда я говорю «зрелость», я имею в виду внутреннюю честность. А эта внутренняя прямота, цельность появляется лишь тогда, когда вы перестаете сваливать всю вину на других, когда вы прекращаете твердить, что другие заставляют вас страдать, когда вы обнаруживаете, что вы сами — творец своего мучения. Это первый шаг к зрелости: "Я ответственен. Что бы ни происходило, я причастен к этому".

Вы опечалены чем-то... Зачем это вам? Это чувство будет вам только здорово мешать, но если вы сумеете сохранить это ощущение, то, рано или поздно, вы сможете преодолеть очень многое, многое изменить. В этом заключена вся теория кармы. Вы, именно вы, отвечаете за все. Не говорите, что ответственно общество, не говорите, что ответственны родители, не говорите, что ответственно экономическое положение, не перекладывайте ответственность ни на кого. Вы ответственные.

Поначалу это будет тяжело, это покажется невыносимым, ибо теперь вы уже не можете спихнуть ответственность ни на кого другого. Но примите это...

"Ты чего такой грустный?" — спросил кто-то Муллу Насреддина.

"Моя жена настояла на том, чтобы я прекратил рисковать, пить, курить, играть в карты. Я все это бросил", — ответил тот.

Спрашивавший воскликнул: "Твоя жена должна быть теперь очень счастлива".

"В том-то и дело, — покачал головой Насреддин. — Теперь она не может найти ничего, к чему бы придраться, поэтому она страшно несчастна. Она пытается ныть, но пожаловаться-то ей не на что.

Теперь она не может объявить меня виноватым во всем, и я никогда не видел ее такой подавленной. Я думал, что, когда я брошу все дурные привычки, она приободрится, но она стала гораздо несчастнее, чем была".

Если вы продолжаете сваливать ответственность на других, а они все делают то, что вы им говорите, то вы кончите самоубийством.

В конце концов рядом с вами не останется никого, чтобы свалить на него ответственность.

Поэтому очень неплохо иметь пару-тройку недостатков; это сделает ваших близких намного счастливее. От абсолютно совершенного мужа жена сбежит через несколько дней. Как вы можете в чем-то превзойти совершенного человека? Так что, даже если вам это и не к чему, делайте иногда что-нибудь не так, тогда ваша жена сможет возвыситься, превзойти вас в чем-то — и она будет чувствовать себя поистине счастливой!

Когда муж совершенен, брак не может не закончиться разводом.

Найдите совершенного человека — и все вы будете против него, он будет раздражать вас, поскольку вы не можете его осудить, вам нечего сказать о нем дурного. Наши умы любят перекладывать ответственность, вину на плечи других. Наши умы любят жаловаться. Это дает нам возможность почувствовать себя уютнее, ведь тогда мы ни за что не отвечаем, мы неотягощены. Но эта неотягощенность, эта свобода весьма дорого ст'оит. Вы отнюдь не свободны по-настоящему, вы становитесь все более и более скованы. Просто вы не чутки, вы не

замечаете этого.

Люди проживают по семьдесят лет, проживают по много-много жизней, так и не осознав того, что же такое жизнь. Все это время они были незрелы, они обманывали сами себя, они не углублялись в свою жизнь. Они жили внешне, поверхностно.

И если эта ваша «внешность» встречается с «внешностью» другого, столкновение неизбежно. Если вы продолжаете придавать значение чужим недостаткам, чужим ошибкам, то вы так и остаетесь поверхностны.

Но однажды вы вдруг прозреваете: "Это я отвечаю за все мое существование; что бы ни происходило, я — причина, я причастен к этому", — так ваше сознание внезапно перемещается с периферии в центр. И вы становитесь, в первый раз, центром вашего мира.

Многое тогда можно сделать... потому что от всего, что вам не нравится, вы можете отказаться, а все, что вам по душе, можете принять; вы можете следовать всему, что, как вы чувствуете, истинно, а ложному вам следовать незачем, ибо теперь вы — центр и основа вашего мира.

Один из друзей спросил: "Могут ли люди жить вместе, не зная ничего об этом, трудиться вместе, но ничего не производить?"

Могут ли они витать в облаках и позабыть навеки, что это такое — жизнь?"

Трое друзей переглянулись...

Только друзья могут переглянуться. Когда есть кто-то, к кому вы испытываете враждебность или неприязнь, вы никогда не смотрите на него прямо. Вы избегаете его глаз. Даже если вам придется посмотреть другому в глаза, ваш взгляд будет пустым, отсутствующим, вы не позволите своим глазам впитать его; он — нечто чужеродное, отвергнутое.

Глаза — это двери. Вам нужно только посмотреть человеку в глаза — и вы сможете его впитать, позволить ему раствориться в вас.

Трое друзей переглянулись...

Один из друзей затронул проблему, но двое других не спешили с ответом. Они подождали, они были неторопливы. Если бы они пришли к какому-нибудь разумному заключению, если бы они сделали выводы — они немедленно заговорили бы. Но вместо этого они переглянулись. Они прочувствовали ситуацию, проблему, суть проблемы, смысл, глубину вопроса. Запомните: если вы можете ощутить глубину вопроса, ответ уже почти найден. Но ни у кого нет терпения, никто не готов глубоко вникнуть в вопрос, проникнуть в него. Вы спрашиваете, но на самом деле вы никогда не вдаетесь в проблему. Вы хотите ответа в ту же секунду.

Трое друзей переглянулись и расхохотались.

Сам факт вопроса, сам вопрос, вторжение его в беседу, глубина, реальность, само существование его ясно показали, что ответ не нужен. Любой ответ будет глупым, любой ответ будет поверхностным.

Про Будду говорят, что миллионы раз люди задавали ему вопросы, но он не отвечал. Если ответ на вопрос был поверхностным, он не отвечал; если кто-нибудь спрашивал: "Есть ли Бог?" — он продолжал молчать. А люди глупы. Они подумали, что он не верит в Бога, иначе он ответил бы «да»; или они думали, что он был невежествен, что он не знает, что ответить, а иначе он сказал бы «да» или "нет"!

Когда вы задаете вопрос наподобие: "Есть ли Бог?" — вы не знаете, вы не понимаете, что вы, собственно, спрашиваете. Вы что, считаете, что на такой вопрос можно ответить? Тогда вы глупы. Существуют ли ответы на столь жизненные вопросы? Если вы так думаете, то вы просто не понимаете всей глубины вопроса; тогда это простое любопытство, а не проблема.

Если б человек, спрашивавший Будду, действительно искал ответ, он бы принял и понял молчание Будды — потому что молчание и было ответом. В этом молчании он ощутил бы сам вопрос, в этом молчании вопрос сформулировался бы, как бы усилился. На фоне молчания он стал бы яснее. К задавшему вопрос пришло бы понимание, ясность.

Когда вы задаете вопрос по существу, исходящий из глубины вас, ответа не требуется. Все, что нужно, — это остаться наедине с вопросом. Не мечитесь туда-сюда, оставайтесь с вопросом один на один и ждите. Сам вопрос станет ответом. Вопрос, если вы углубитесь в него, выведет вас к тому самому источнику, откуда происходит также и ответ. Источник этот — внутри вас.

Будда не ответил ни на один настоящий вопрос — и, заметьте, я тоже. Я продолжаю отвечать на ваши вопросы, но на настоящие ваши вопросы я тоже не могу ответить — а вы все еще их не задали. Но если вы зададите настоящий вопрос, я не собираюсь отвечать на него, ибо *ни на один настоящий вопрос ответить невозможно, они не из области интеллекта. Только от сердца к сердцу происходит передача, но не от разума к разуму.*

Трое друзей переглянулись...

Что случилось при этом взгляде? Не разум их переглянулся, но сердца. Они посмотрели друг на друга, они ощутили, они затронули вопрос — настоящий вопрос, настолько настоящий, что не существовало ответа на него.

Да, мы живем, не понимая, что такое жизнь. Да, мы живем вместе, не зная, что такое "быть вместе". Да, мы живем, полностью забывая о том, что мы существуем. Мы витаем и витаем в облаках, не осознавая, куда мы идем и почему.

Этот вопрос был таким настоящим, что, если попытаться ответить на него, ответ этот будет совершенно дурацким. Только дурак ответил бы на такой вопрос. Они переглянулись, — они действительно посмотрели друг на друга — и расхохотались.

Почему расхохотались? Да вся ситуация так абсурдна, так глупа! И в самом деле: мы живем не понимая, что такое жизнь; мы существуем, но так и не сознаем этого факта, мы бредем и бредем по жизни, не зная, откуда, куда и почему.

Жизнь — таинство. Если мы стоим лицом к лицу с таинством, нам станет смешно от одной мысли попытаться что-то ответить ему.

Что самое таинственное в вас? Самое таинственное — это смех! Ни одно животное не умеет смеяться, только человек. Смех — наивысшее величие человека. Ни одно животное не смеется, ни одно дерево не смеется — смеется только человек. Смех — самый таинственный элемент в человеке.

Аристотель определил человека, как рациональное существо. Это неудачное определение, потому что понятие причинности, логика — они есть и у других животных. Разница только в

степени, в количестве, и разница небольшая.

Человека можно определить только как животное, способное смеяться и плакать, никакое другое определение не подойдет, потому что никакое другое животное не умеет плакать, никакое другое животное не умеет смеяться. Эти противоположные крайности присутствуют только в человечестве. Это нечто таинственное, мистическое, самое мистическое в человеке.

Гнев существует повсюду, это ничто. Секс существует повсюду, это ничто, он отнюдь не таинственен. Если вы хотите разобраться в сексе, то достаточно понять животный секс, и все, что применимо к сексу у животных, применимо и к человеку. В этом смысле человек не является ничем б'ольшим.

Гнев, насилие, агрессия, стяжательство, ревность — все, что угодно — существует, и существует в более чистом и естественном виде, у животных, чем у вас. В вас все перепутано, все беспорядочно. Поэтому психологам приходится изучать крыс для того, чтобы разобраться в психологии человека. Они просты, чисты, не так запутанны, и к каким бы заключениям относительно крыс они ни приходили, это все относится также и к вам. Все психологические лаборатории полным-полны крыс. Крыса стала для психологов самым важным животным — так она похожа на человека почти во всех отношениях.

Крыса — единственное животное, которое следует за человеком, куда бы тот ни шел. Это достигает уже вселенских масштабов. Если вы возьмете человека в Сибири, то где-нибудь поблизости обнаружится и крыса. Куда бы он ни направлялся, крыса идет следом — я подозреваю, что крысы уже добрались до Луны. Ни одно животное так не вездесуще, как крыса. И поведение ее абсолютно человечно. Поймите поступки крысы — и вы поймете человеческую природу.

Но крыса не умеет смеяться, крыса не умеет плакать. Смех и слезы — это два аспекта чего-то такого, что существует только в человеке. Если вы хотите понять смех или плач, то вам придется разбираться в природе человека; это нельзя изучить иначе. Крысы здесь не помогут. Поэтому я и называю смех и плач наиболее отличительными признаками человека.

Если вы ощутили присутствие таинства, у вас есть две альтернативы: либо плакать, либо смеяться. Что именно — зависит от вашей личности, вашего типа. Вполне возможно, что, будь их личности другого типа, трое друзей расплакались бы. Когда вас окружает такое таинство, когда вы сталкиваетесь с таким непознаваемым таинством, что никакое толкование его невозможно, что остается вам делать? Как еще вы можете отреагировать?

Но смех лучше, чем плач, ибо плач проявляется тогда, когда вас окружает таинство смерти. Тогда вы плачете. А вопрос касался жизни, поэтому стоило смеяться. Когда вы сталкиваетесь с таинством смерти, вы плачете; в присутствии смерти вы всегда чувствуете, что плач уместен.

Вопрос был о жизни, а не о смерти. Так что, похоже, имело смысл им взглянуть друг на друга, на жизнь, которая была в каждом из них — жизнь пульсирует, жизнь танцует повсюду и без всякого толкования, и нет такой тайной книги, чтобы открыть ее секреты; жизнь — в ее бесконечном таинстве, в ее полной, абсолютной непознаваемости.

Что было делать? Они не были философами, они были правдивыми людьми, мистиками. Они засмеялись, не было у них объяснений.

И от этого дружба их только крепла.

Как это прекрасно! Если возникает объяснение, с ним появляется и вражда; когда вы верите во что-то, уверены в чем-нибудь — вы разделены. Верование, убежденность порождают

конфликт. Весь мир разделен из-за верований. Вы индуист, а кто-то мусульманин, — и вы уже враги. Почему? Из-за ваших убеждений. Верование создает конфликт, противоречие; все эти дурацкие толкования, объяснения, идеологии вызывают столкновения, войны.

Подумайте сами: если нет объяснений, то как определить, кто индуист и кто мусульманин? И как вы станете сражаться? Чего ради? Люди всегда сражались во имя философий, проливая кровь и убивая друг друга просто ради всяких дурацких верований. И если вы действительно исследуете верования, то вы можете разглядеть всю их глупость — не ваших верований, конечно, но верований других! Ваша вера — о! это святое; но веры всех остальных — они выглядят дурацкими!

Все веры глупы. И вы не можете видеть глупости вашей собственной лишь из-за того, что она так близка. На самом деле, все объяснения, все толкования глупы, дурацки.

Рассказывают, что однажды стая перелетных птиц направлялась на юг зимовать. Одна из птиц, летевших в хвосте стаи, спросила другую: "Слушай, а чего мы всегда летим за этим идиотом вожаком?"

Та ответила ей: "Ну во-первых, все вожаки идиоты..." — иначе кто захочет вести? Только глупцы всегда готовы вести других.

Мудрый человек колеблется. Жизнь так таинственна — это не проложенная заранее дорога. Как вы можете вести других? Мудрый человек колеблется, а идиот всегда готов вести всех за собой.

"...А во-вторых, у него есть карта, так что каждый год нам приходится лететь следом за ним".

У жизни нет карты, и невозможно составить такую карту. Это непроторенный путь. Без объяснений и толкований — что вас может разделить? Если бы объяснений не было, то мир был бы един. Но существует миллионы толкований, и — миллионы фрагментов, миллионы осколков.

Чжуан Цзы изумительно проницателен: Не было у них объяснений, и от этого дружба их только крепла.

Не было ничего, из-за чего стоило бы враждовать, не было причин сражаться. Они рассмеялись, и смех объединил их. Они рассмеялись, и смех принес мир в их отношения, привел их к взаимопониманию. Объясните что-нибудь — и вы разделены, обратитесь к философии — и вы отделены от других, станьте индуистом, мусульманином, буддистом — и тогда все окружающие — враги.

Взгляните на таинство и рассмейтесь, — и человечество едино. И тогда незачем говорить, что христиане — братья индуистов, что индуисты — братья мусульман. Сперва разделите их, заразите их верами, а потом преподнесите им это лекарство: все вы братья. А вы видели братьев? Да они сражаются похлеще, чем враги! Так что ж толку делать из них братьев?

Человек сражается за свои объяснения, за свои толкования, за свои убеждения. Все сражения глупы. Человек сражается за свои знамена; да вы только посмотрите на эти знамена! Что за глупость такая, что за новый тип сумасшествия развелся в мире?! За флаги, за символы, за веры, за идеологии?

Если вы действительно хотите быть друзьями, не имейте ни объяснений, ни заключений, ни во что не верьте. И тогда вы нераздельны, тогда все человечество будет едино, тогда не станет барьеров.

Любовь действует не через ум, она проявляется через чувство.

Они рассмеялись. Смех рождается из сердца, смех исходит от души, смех появляется,

происходит из всего существа в целом. Когда трое смеются, они становятся друзьями. Когда втроем плачут, становятся друзьями. Когда три человека спорят, они превращаются во врагов.

Конфуций был человеком весьма манерным наряду с наличием у него развитого чувства собственного превосходства. Вряд ли в этом кто его превзойдет. Поэтому он всегда уязвим и является мишенью для насмешек Чжуан Цзы и Лао Цзы. Они часто упоминают в своих историях Конфуция, просто для того, чтобы посмеяться над его глупостью.

В чем выражалась эта глупость? Он жил по системе, он жил по формуле, в соответствии с теориями и убеждениями. Он был абсолютно цивилизованным человеком, самым совершенным джентльменом, какого только видел мир: он передвигается, но он передвигается в соответствии с правилами. Он смотрит, но он смотрит в соответствии с правилами. Он смеется, но он смеется в соответствии с правилами. Он никогда не переходит границ, он живет в постоянном рабстве, созданном им самим. Поэтому он — мишень для их насмешек, и Чжуан Цзы и Лао Цзы получают большое удовольствие, привнося его в свои истории.

Вот в чем разница. Человек, живущий манерами, всегда думает об уважении, но никогда о любви. И что такое уважение в сравнении с любовью? Любовь — это нечто живое; уважение же абсолютно мертво.

Когда тот ученик пришел, один из друзей уже сочинил песню, а другой аккомпанировал ему на лютне.

Но как вы прощаетесь с другом? Ваши слова должны исходить из вашего сердца, прощание должно быть спонтанным, оно не может быть заранее подготовлено. В этом-то все и дело.

Говорят: "Ты ушел туда, откуда пришел". Это священный закон: окончание может быть только началом. Круг замыкается, становясь совершенным, завершенным, законченным, он достигает той же точки, откуда он начался. Конец не может быть ничем иным, кроме как началом, смерть не может быть ничем иным, кроме как рождением. Завершение непременно становится источником, чем-то исходным. Человек рождается из ничто и затем, умирая, обращается в ничто. Лодка была пуста, когда вы родились, и, когда вы умираете, она вновь пустеет. Просто вспышка молнии. На какое-то мгновение вы — в теле, а затем вы исчезаете. Никто не знает, откуда вы пришли и куда ушли.

Когда кто-нибудь умирает, какие чувства вы испытываете? Вы жалеете умершего, или вам жаль себя? Действительно, когда кто-нибудь умирает, горюете вы о нем или о ней или о себе?

Каждый жалеет самого себя, потому что любая смерть напоминает вам, что вы тоже когда-то умрете. Но человек, способный смеяться над таинством жизни, знает, что это такое, потому что лишь истинное знание, лишь настоящая мудрость, способна смеяться.

Туда, где на самом деле уже был, ты ушел...

Поэтому они жалеют самих себя и, если они и рыдают, то плачут они о себе. Для третьего, ушедшего, друга у них нет ничего, кроме песни, ничего, кроме праздника души. Если они и жалеют, то они жалеют себя.

Это то, что ст'оит осознать очень глубоко. Если вы понимаете жизнь, если вы можете смеяться над ней, тогда для вас смерть — это завершение, тогда она — не конец. Запомните: смерть — не конец жизни, это завершение, это пик, крещендо, кульминация, высшая точка, достигнув которой, волна возвращается в свой первоначальный источник.

Они жалеют самих себя, жалеют, что их волна еще только на пол-пути. Они не достигли пика, а их друг добрался туда, где был прежде. Он вернулся домой. Лишь те, кто понимает жизнь, могут понять смерть, ибо жизнь и смерть — неразделимы. Смерть — это кульминация, это апофеоз, завершение, итог, это окончательное цветение, это — аромат жизни.

Смерть кажется вам такой мерзкой, потому что вы никогда не знали жизни, и пугает вас смерть потому, что вы боитесь жизни.

Запомните, каково бы ни было ваше отношение к жизни, ваше отношение к смерти будет таким же. Если вы напуганы смертью, значит, вы напуганы и жизнью; если вы любите жизнь, вы полюбите и смерть, потому что смерть — это ничто иное, как высочайший пик, кульминация, завершение. Песня допета, река впадает в океан. Река изначально родилась из океана. Теперь круг завершен, река возвратилась, влилась в целое.

Но жизнь не вписывается в книги — жизнь превышает всех книг, она выходит за все рамки, идет дальше; жизнь всегда отбрасывает книги в сторону, устремляясь вперед.